

И. В. Черказьянова

К 250-ЛЕТИЮ МАНИФЕСТА ЕКАТЕРИНЫ II О ПРИГЛАШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ КОЛОНИСТОВ В РОССИЮ

В 2013 г. отмечалось 250-летие манифеста Екатерины II о приглашении иностранных колонистов в Россию. Мы являемся свидетелями и других важных юбилеев: 400-летия Дома Романовых, 100-летия Первой мировой войны. Еще 25–30 лет назад отмечать или даже просто официально вспоминать о них было невозможно. Не вспомнили бы тогда и дату основания первых немецких колоний в России. Ведь негласная антинемецкая политика советского руководства была ослаблена, а затем и ушла в прошлое лишь со второй половины 1980-х годов в связи с перестройкой. Первые научные конференции, посвященные советским немцам, состоялись в 1989 г. в Алма-Ате¹ и Москве².

В Петербурге особое отношение к немецкой проблематике. Вся его история тесно связана с историей немцев, появившихся на берегах Невы уже во времена основания города, а в 1765 г. близ города появились первые немецкие колонии. Однако на протяжении веков отношение к этой части населения менялось. В самом общем виде можно сказать так: насколько немецким был дореволюционный Петербург, настолько антинемецким стал Петроград/Ленинград. Это отношение не сложилось само собой, а сформировалось под влиянием внешних обстоятельств (двух мировых войн, в которых гражданское население понесло чудовищные человеческие потери) и политики Советского государства по отношению к российским немцам. Негласный запрет на немецкую тему в исследованиях привел к тому, что и сейчас в определенной части общества сохраняются деформированные представления о российских немцах, например, как о потомках германских военнопленных.

При знакомстве с научной и историко-краеведческой литературой, посвященной истории Петербурга, приходится констатировать, что исследователи тяготеют к дореволюционному периоду, давно примирились с присутствием немцев в той истории и даже гордятся вкладом, который внесли выходцы из Германии в развитие России, различных областей производства, культуры, науки³. «Немецкий дух» Петербурга, в котором его часто обвиняли российские дореволюционные публицисты, вновь стал привлекательным в среде исследователей настоящего времени. К сожалению, этого нельзя сказать о советском периоде. Одна из причин такого отношения — подсознательное стремление исследователя защитить себя от лишних психологических травм, поскольку история советского периода в целом тяжела для восприятия. Нужно признать, что заниматься исследованиями репрессированного народа Советского Союза, каким, бесспорно, являются российские немцы, непросто. Немцев довоенного периода как представителей одного из национальных меньшинств Ленинграда изучала Т.М. Смирнова⁴. Специальная работа о ленинградских немцах военного времени принадлежит автору настоящей статьи⁵. «Немецкая история» Ленинграда и его пригородов ждет дальнейшего объективного исследования.

Обществу предстоит еще многое сделать для переосмысления собственного исторического прошлого. Сегодня мы должны знать не только о выдающихся деятелях немецкого происхождения, но и о простых жителях города и его окрестностей. Нынешний юбилей дает повод еще раз обратиться к истории немецких колоний в России в целом и под Петербургом⁶ в частности.

Уже в допетровской России появилось значительное число иноземцев. Среди них выделяли протестантов, которых начали называть немцами или «люторами», и католиков («римляне», «латиняне»). XVIII в. стал особенным в формировании немецкого населения России. Для проведения задуманных Петром I реформ нужны были специалисты во всех отраслях государственного, военного, хозяйственного управления. Манифест от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» приглашал иностранцев — военных, торговцев и ремесленников, нужны были и знатоки горного дела, врачи, другие специалисты. Значительным этапом в процессе привлечения иностранцев в Россию стало время правления Екатерины II. Подписанные ею манифесты в декабре 1762 г. и особенно 22 июля 1763 г. создали возможность для массового переселения иностранных крестьян и ремесленников.

Предпринятые Екатериной мероприятия шли в ногу с общеевропейской политикой, направленной на привлечение иностранцев для усиления собственных государств. Начиная с XVII в. в Европе возобладала научные теории о ведущей роли населения в процветании государства, так называемые популяционистские теории. В качестве основного фактора успешности экономики рассматривался прирост населения, чаще же происходило механическое увеличение численности за счет привлечения людей из других стран.

Эта мода не обошла стороной и Россию, где вопрос о свободном населении и освоении новых территорий стоял особенно остро из-за крепостного права. Уже при Елизавете I (1709–1761) были разработаны принципы и основы законодательства об иностранной колонизации, которые развила и воплотила в жизнь Екатерина II. В Елизаветинскую эпоху были приглашены 500 сербов для поселения вдоль польской границы (1751), рассматривался вопрос о поселении французских протестантов под Киевом (1752). Тогда же был разработан проект манифеста о даровании привилегий французам, но само переселение не состоялось. В 1754 г. императрица поручила Сенату рассмотреть возможность приглашения всех иностранцев на поселение, но осуществлению проектов помешали Семилетняя война (1756–1763) и смерть императрицы.

Екатерина II взошла на трон 28 июня 1762 г., а 4 декабря того же года она приняла первый документ о приглашении иностранцев. Без учета того опыта, который был накоплен при Елизавете, и без внимания к характерным чертам личности новой императрицы такую поспешность в принятии столь значительных документов трудно понять.

Екатерина, долгие годы находясь в тени елизаветинского двора, не теряла времени даром. Занимаясь самообразованием, много читала, писала, вникала в важные государственные вопросы. По мнению историка С.М. Соловьева, на трон она взошла подготовленной правительницей. Екатерина продолжила проекты предшественницы, но с учетом новых потребностей страны. Если Елизавета следовала опыту Англии, Нидерландов, Дании по привлечению французских протестантов в города, в расчете на развитие с их помощью мануфактур и фабрик, то Екатерина отошла от политики меркантилизма и последовала учениям физиократов. Основной упор был сделан на развитие земледелия и ремесел, связанных с сельским хозяйством. Именно поэтому основную рабочую силу, которую следует привлекать в Россию, она видит в крестьянах, разоренных Семилетней войной.

Первым шагом стал указ от 14 октября 1762 г., упрощавший процедуру въезда иностранцев. Согласно закону, они должны были напрямую обращаться в Коллегию иностранных дел. Затем последовал манифест от 4 декабря 1762 г. о приглашении иностранцев, который не возымел должного действия, т.к. носил абстрактный характер, в нем не было оговорено, на каких условиях иностранцы могут переселяться.

Решающим событием в колонизационной политике России стал манифест от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». В тот же день был подписан и указ «Об учреждении Канцелярии опекунства иностранных колонистов».

Манифест 1763 г. даровал большие привилегии всем, кто пожелает приехать в Россию, открывая тем самым широкие возможности для переселенцев. В первую очередь это были свобода вероисповедания, возможность строить свои церкви и содержать пасторов, освобождение от воинской повинности, выделение больших земельных участков, льготы по выплате долгов и налогов. Предложенные российским правительством выгодные условия не были новыми в колонизационной политике Европы. В аналогичных документах Англии, Дании и Пруссии, принятых раньше российских, речь шла практически о том же. В Пруссии, например, иностранные колонисты получали денежную помощь на переезд и бесплатные подводы, лес и деньги на строительство жилья; освобождались от таможенных пошлин; местное население обязано было давать пристанище и оказывать всяческое содействие переселенцам; ремесленники получали ссуды и освобождались на три года от податей и налогов, а также ряд других преимуществ. Опыт привлечения иностранцев и условия их приема в Европе были тщательно изучены и использованы уже при Елизавете, поэтому в перечне привилегий неслучайно прослеживается явное заимствование из европейских документов.

Канцелярию опекунства возглавил граф Г.Г. Орлов. Новое учреждение должно было, говоря современным языком, создавать положительный имидж России в глазах иностранцев и заботиться о них в их новом Отечестве. 3 августа 1763 г. Орлов утвердил текст «Клятвенного обещания», присяги на верность российскому трону, которую давали въезжающие колонисты. Канцелярия разместилась в бывшем доме И.А. Черкасова (совр. Мойка, 12), незадолго до того выкупленном в казну. Здесь же размещали и первых переселенцев, т.к. здание имело подходящие хозяйственные постройки, конюшни.

С конца сентября 1763 г. Любек стал центром отправки колонистов в Россию. Их перевозили на любекских, английских и русских торговых и военных кораблях. Переселенцы прибывали в Кронштадт, здесь проверялись документы, проводился таможенный досмотр. На шестивесельной шлюпке, специально купленной у Адмиралтейств-коллегии, их доставляли в город.

Вероятно, на Мойке колонисты были совсем коротким период, т.к. вскоре лагерь для них перевели в Ораниенбаум, в бывшую «постешную» крепость, возведенную для Петра III. Крепость имела вид вполне солидного фортификационного сооружения. Вокруг нее в 1755–1762 гг. появился военный городок, названный Петерштадт. Внутри крепости были дома коменданта (Петра III) и офицеров, казармы для солдат. Для вновь прибывших колонистов использовались деревянные казармы. Здесь же была и кирха, в которой лютеране присягали на верность российскому трону. В Ораниенбауме колонистов агитировали поселяться в том или ином месте, составляли списки, распределяли на группы и отправляли к месту поселения. Таким образом, для подавляющего большинства переселенцев первая встреча с Россией происходила на петербургской земле.

Первые партии направлялись исключительно на Волгу. В 1764 г. появились колонии: Добринка (29 июня); Байдек (10 августа); Шиллинг (14 августа); Галка (19 августа); Антон (7 сентября). В 1765 г. после специального разрешения поселяться под Петербургом появились первые лютеранские колонии близ столицы: Новосаратовская, Среднерогатская и Ижорская (Колпинская). Они традиционно назывались по-немецки по числу поселившихся в них семей — 60, 22, 28. Из числа прибывших с мая по сентябрь 1766 г. 22 семьи поселились в Петербурге. Среди них Ламак Пьер, Людвиг Генрих, Мюллер Готлиб, Штарр Петр, Цайлер Якоб, Кирхнер Пауль, Шуманн Готлиб, Кунц Фридрих и др.

Среди первых немецких колоний в России можно назвать Рибенсдорф (близ Воронежа, 1766), беловежские (под Черниговом, 1767), Сарепту (1766). Лишь за шесть лет, с 1764 по 1770 г., в России было основано 117 немецких колоний.

В ноябре 1766 г. было опубликовано официальное объявление о прекращении вызова колонистов, т.к. германские княжества воспротивились оттоку своего населения, видя, какой урон приносит выезд крестьян и ремесленников в Россию.

Прием колонистов возобновился после завершения первой (1768–1774) и второй (1787–1791) русско-турецких войн. В 1787 г. началось

переселение меннонитов из окрестностей Данцига в Новороссию (Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губернии). У российского правительства были особые виды на меннонитов, которые за-рекомендовали себя как умелые и рачительные хозяева. Документы на переселение меннонитов были оформлены через губернатора Новороссии князя Г.А. Потемкина, который руководил заселением юга Украины и Крыма.

Новая волна переселения пришла на первые два десятилетия правления Александра I. Политика приема иностранцев была продолжением политики Екатерины II, о чем было заявлено в манифесте от 20 февраля 1804 г.: «Вызов колонистов был и продолжается поныне на основании Манифеста, в 1763 г. изданного»⁷. Сохранялись прежние привилегии, однако появились и некоторые поправки в законах с учетом предшествующего опыта колонизации. Теперь предполагалось, что приниматься будут лишь «достаточные» хозяева, имеющие в деньгах или в товарах не менее 300 гульденов, а также люди «семьянистые», опытные в области ведения сельского хозяйства. Речь шла лишь о «ежегодном выходе из Германии колонистов».

С 1819 г., после основания колоний в Грузии, прекратился вызов иностранцев на казенные средства. В этот период под Петербургом появились так называемые приморские колонии: Кронштадтская, Ораниенбаумская, Стрельнинская, Петергофская, Кипеньская и др.

Иностранная колонизация в России была теснейшим образом связана с успешной внешней политикой Екатерины, которая по праву ставится ей в заслугу. Внутренняя политика императрицы не стала столь же яркой. Об этом можно судить по положению первых поволжских колонистов — потраченные казной средства не оправдывали себя, колонии владели нищенское существование, некоторые колонии сильно пострадали во время Пугачевского бунта. Поселенных под Ямбургом колонистов из-за непригодных условий пришлось переселить под Екатеринослав, где появилась колония с тем же названием.

Подъем колоний начался в XIX в. На протяжении следующих десятилетий увеличивается число немецких поселений за счет возникновения дочерних колоний. В начале XX в. число немцев в России достигало почти 2,5 млн человек. В нашу задачу не входит рассмотрение истории колоний, их экономического и социального развития. Об этом уже немало написано⁸.

В контексте юбилейных событий интересно взглянуть на то, как отмечалось 100-летие колоний в XIX в., как воспринимали себя колонисты по прошествии многих лет жизни в России.

О 100-летнем юбилее поволжских немцев имеются скудные сведения. Видимо, дата широко не праздновалась. Известно, например, что в ноябре 1863 г. в Камышине отмечалось 100-летие прибытия немцев в Россию, а не основания первых колоний⁹. Колонисты написали телеграмму в адрес министра внутренних дел с просьбой передать императору слова благодарности за то счастье, которое они обрели в России.

Свое отношение к приглашению в Россию поволжские колонисты выразили задолго до юбилея, установив в 1852 г. памятник Екатерине II в главной колонии Катариненштадт, на месте некогда стоявшей первой кирхи¹⁰.

Памятник представлял собой фигуру сидящей в кресле женщины, вылитую из бронзы. В правой руке императрица держала свиток с надписью латинскими буквами "Manifest den 22. Juli 1763". На постаменте, исполненном из красного полированного мрамора, на двух языках был выбит текст «Императрице Екатерине II из благодарности иностранными поселенцами Саратовской губернии 24 ноября 1848 г.». Последняя дата — дата принятия колонистами решения о сооружении памятника, в этот день Саратовская контора опекунства представила эскиз памятника съехавшимся в Саратов колонистам, и они «согласились» на это предприятие. На строительство колонисты собрали 14 492 руб. 83 коп. (Неиспользованный остаток суммы был направлен на учреждение стипендий для обучения ремеслу детей из бедных семей.)

Над фигурой работал профессор Академии художеств Петр Карлович Клодт в своей мастерской в Петербурге. Проект повторял памятник Екатерине, установленный в конференц-зале академии. На место памятник был доставлен по воде 25 августа 1851 г. 28 октября 1851 г. комиссия из числа колонистов сообщила в Саратовскую контору о завершении работ по его установке.

Памятник был открыт утром 25 июня, в день рождения Николая I, в присутствии губернатора. Торжественные молебны перед этим прошли сначала в православной церкви, затем в лютеранской и католической церквах. На площади собрались тысячи людей, многие разместились на крышах соседних домов. Оркестр исполнял государственный и церковные гимны, звучали торжественные речи.

История с установкой памятника и сам памятник символичны: фигура императрицы, пригласившей колонистов в Россию, манифест в руках Екатерины, даровавший им большие привилегии, открытие памятника в день рождения правящего императора, молебны в церквях разных конфессий, но сначала в православной церкви, исполнение государственного гимна — все это не только означало благодарность новых подданных России, но и выражало их верноподданнические настроения, демонстрировало лояльность к властям и осознание себя россиянами.

В начале 1930-х годов памятник Екатерине был демонтирован, а в 1941-м переплавлен. Он был восстановлен на средства жителей Марковского района Саратовской области, открыт 29 сентября 2007 г. на прежнем месте.

Столетний юбилей широко отмечался в петербургских колониях в августе 1866 г. Основные торжества проходили в Новосаратовке 14 августа¹¹, затем юбилей отмечали 21 августа в Средней Рогатке и 26 августа — в Ижорской колонии. В них участвовали представители семи дочерних колоний (Гражданка, Овцыно, Фарфоровая, Янино, Безбородкино, Новоалександровка и Ковалево), основанных выходцами из старейших поселений. В праздновании юбилея не принимали участия жители приморских колоний, появившихся в начале XIX в. и ощущавших себя самостоятельной группой немцев-колонистов. Во время празднования хор исполнил государственный и церковный гимны, колонисты послали благодарственную телеграмму императору. И в этом случае немцы продемонстрировали уважение к государственным символам, проявили себя как верные подданные российской короны.

Поволжские колонисты готовились отметить и 150-летие переселения в Россию, но война помешала этим планам. В годы Первой мировой войны с невероятной силой обострился «немецкий вопрос», который возник в российском обществе еще в последней трети XIX в. Ненависть к воюющей с Россией кайзеровской Германии очень быстро перекинулась и на российских немцев, в лояльности которых стали сомневаться, а вскоре их начали обвинять в шпионаже, пособничестве врагу. Немецкий язык был запрещен, в 1915 г. были приняты так называемые «ликвидационные законы», ограничившие и запрещающие немцам, включая российских немцев, землепользование и землевладение.

Недоверие к немцам сохранялось и в последующие годы — в начале Великой Отечественной войны они были депортированы в Сибирь

и Казахстан, немцы-военнослужащие отозваны с фронтов. Те и другие были направлены в трудовые лагеря (трудармия) с последующим оформлением режима спецпоселения, функционировавшего до конца 1955 г. До 1972 г. действовал запрет на возвращение в родные места.

Двойственная природа немцев России, принадлежность к двум культурам, немецкой и русской, наличие исторической родины — все это в критические моменты истории заставляло общество ставить под сомнение их лояльность и патриотизм. И всякий раз оно жестоко ошибалось. Массовая эмиграция 90-х годов привела к тому, что в настоящее время в России осталось около 400 тыс. немцев, из них более трех тысяч проживает в Петербурге.

В 2013 г. российские немцы отметили 250-летие принятия манифеста Екатерины II о приглашении иностранцев в Россию. В последующие годы будут отмечаться юбилеи первых колоний на Волге и под Петербургом. Самих колоний давно уже нет, либо там проживают другие люди, но живы потомки тех первых поселенцев, кому дорог этот юбилей. Праздничные даты дают хороший повод вновь обратиться к прошлому, взвешенно подойти к оценке вклада российских немцев в развитие России, значительную часть которых составляли земледельцы, крестьяне.

1. Конференция “Die Deutschen in der Bruderfamilie der Sowjetvölker” («Немцы в братской семье советских народов») проходила 16–17 июня 1989 г. в Алма-Ате.

2. Всесоюзная научно-практическая конференция «Советские немцы: история и современность» состоялась 15–16 ноября 1989 г. в Москве, организована Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

3. Литература о немцах Петербурга обширна, насчитывает десятки книг и сотни статей. Назовем лишь некоторые последние работы: Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2003–2013. Вып. 1–7; *Спивак Д.Л.* Метафизика Петербурга. Немецкий дух. СПб., 2003; *Чеснокова А.Н.* Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703–1917). СПб., 2003; Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование / Отв. ред. Г.И. Смагина. СПб., 2005; *Конелев Д.Н.* На службе Империи. Немцы и Российский флот в первой половине XIX в. СПб., 2010; Немцы-садовники Петербурга / Сост. В.А. Коробова, Э.И. Супруненко. СПб., 2010; *Гаврилов С.Л.* Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном. 1710–1918. М., 2011.

4. *Смирнова Т.М.* Национальность — питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX в. СПб., 2002.

5. Черказьянова И.В. Ленинградские немцы: судьба военных поколений. 1941–1955 гг. СПб., 2011. (В 2013 г. книга удостоена почетной премии по культуре им. Георга Дехио, Германия).

6. О дореволюционных петербургских колониях см. работы Е.В. Бахмутской (Лебедевой): К вопросу об экономическом развитии немецких колоний Санкт-Петербургской губернии (вторая пол. XVIII–XIX в.) // Российские немцы: проблемы истории, языка и современного положения: материалы Междунар. науч. конф. М., 1996. С. 158–173; Организация приема и расселения немецких колонистов в Санкт-Петербургской губернии в период правления императора Александра I // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: материалы Междунар. науч. конф. М., 1998. С. 73–89; Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII — начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы: сб. науч. ст. СПб., 1999. С. 233–245; Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760–1870-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003; и др.

7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 1-е собр. Т. 28. № 21 163.

8. См., например: Венгер Н.В. Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789–1920). Днепрпетровск, 2009; Виле П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007; Диц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997; Костюк М.П. Німецькі колонії на Волині (XIX — початок XX ст.). Тернополь, 2003; Малиновский Л.В. Социальная и хозяйственная история поволжских колонистов в южной России (1762–1917). Барнаул, 2010; Нахтигаль Р. Донские немцы. 1830–1930. Аугсбург, 2007; Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. М., 1998; Чернова-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетия (1818–1917). М., 2008; и др.

9. Сведения о праздновании 100-летия поволжских колоний любезно предоставил Виктор Кригер (Гейдельберг).

10. Подробнее см.: Черказьянова И.В. Впечатления о поездке в Маркс // Российские немцы: НИБ. М., 2005. № 1–2. С. 12–14. (Опубликованный материал опирался на документы РГИА. Ф. 383. Оп. 12. Д. 12300); Инполитова Г.А. Памятник Екатерине II в немецкой колонии Екатериненштадт // Немцы в России: Встречи на перекрестке культур. СПб., 2011. С. 105–113.

11. St. Petersburg Zeitung. 1866. 14 (26) August.